

DOI 10.15826/qr.2019.3.420
УДК 811.161'282+821.161-14+398.838

**«ШВИДКІ НІЖЕНЬКИ СКУВАЛИ,
БІЛІ РУЧЕНЬКИ ЗВ'ЯЗАЛИ»: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПОВЕРХНОСТНОЙ И ГЛУБИННОЙ СЕМАНТИКИ
ТЕКСТА ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНИ
(ФОРМУЛЫ С СОМАТИЗМАМИ)***

Инна Тубалова

Юлия Эмер

Томский государственный университет,
Томск, Россия

Ван Хуа

Шеньянский политехнический университет,
Шеньян, Китай

**“FAST LEGS SHACKLED, WHITE HANDS TIED”:
THE INTERACTION OF SURFACE AND DEEP SEMANTICS
IN LYRICAL SONGS (SOMATIC FORMULAE)****

Inna Tubalova

Julia Emer

Tomsk State University,
Tomsk, Russia

Wang Ghya

Shenyang Ligong University,
Shenyang, China

This article considers the principles of interaction between the deep and surface semantics of folklore texts with reference to East Slavic lyrical songs. The authors analyse folk formulas with somatisms. The research methods are based on the concept of the folklore text as a product of folklore discourse, defining its poly-code character and belonging to the folklore and genre system of a national tradition. The

---

* Статья написана в рамках научного проекта, выполненного при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

** *Citation*: Tubalova, I., Emer, J., Wang Ghya. (2019). “Fast legs shackled, white hands tied”: The Interaction of Surface and Deep Semantics in Lyrical Songs (Somatic Formulae). In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420.

Цитування: Tubalova I., Emer J., Wang Ghya. “Fast legs shackled, white hands tied”: The Interaction of Surface and Deep Semantics of in Lyrical Songs (Somatic Formulae) // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420 / Тубалова І., Эмер Ю., Ван Хуа. «Швидкі ніженьки скували, білі рученьки зв'язали»: взаємодія поверхностної і глибокої семантики тексту ліричної пісні (формули с соматизмами) // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 992–1006. DOI 10.15826/qr.2019.3.420.

presence of deep (symbolic) semantics in folklore texts is a subject that is actively discussed by researchers of folklore. The article aims to determine the role of surface semantics in folklore formulas with somatisms in the realisation of the deep semantics of East Slavic lyrical songs. The surface semantics of a folklore formula are determined by the nature of the cultural understanding of the nominated object (in this case, parts of the human body). The common character of the somatic code of Eastern Slavic folklore is determined by the unity of anatomy and physiology of all human beings and the unity of the culture of Eastern Slavs, which affects the character of the surface and deep semantics of formulas with somatisms. The most important role in the formation of the surface meanings of such formulas is played by the everyday understanding of the physiological functions of human body parts, everyday knowledge about the features of their external configuration and place on the body, and the experience of using them in social settings. The study demonstrates that the surface semantics of a folklore formula have functional significance, making it possible for underlying semantics conditioned by tradition to show. The types of surface semantics realised in East Slavic folk lyrical songs reflect the preservation of the actual somatic meaning of formulas under consideration or its transformation (their representation as a subject, object, and vessel). The genre-related expression of negative and positive emotions is done through the presentation of normative or non-normative conditions of the human organ: its non-normative movements or their restriction, non-normative place, damage, incompleteness or being filled with inappropriate content.

Keywords: East Slavic folklore; lyrical song; surface semantics; deep semantics.

На материале восточнославянской лирической песни исследуются принципы взаимодействия глубинной и поверхностной семантики фольклорного текста. Объектом анализа являются фольклорные формулы с соматизмами. Методология исследования опирается на концепцию фольклорного текста как продукта фольклорного дискурса, задающего его поликодовый характер и включенность в фольклорно-жанровую систему национальной традиции. Наличие у фольклорного слова глубинной (символической) семантики активно обсуждается исследователями фольклора. Цель статьи – оценить роль поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами в реализации глубинной семантики восточнославянской лирической песни. Поверхностная семантика фольклорной формулы исходит из характера культурного осмысления номинируемого объекта, в данном случае – частей тела человека. Общность соматического кода восточнославянского фольклора определяется единством анатомии и физиологии всех человеческих существ и единством культуры восточных славян. Наибольшую роль в формировании поверхностных значений исследуемых формул играют бытовые представления о физиологических функциях частей тела человека, обыденные знания об особенностях их внешней конфигурации и расположения на теле, опыт их использования в социальных функциях. Поверхностная семантика фольклорной формулы обладает функциональной значимостью, обеспечивая общекультурно и жанрово обусловленную трансляцию глубинной семантики, заданную традицией. Виды

поверхностной семантики, реализуемой в восточнославянской народной лирике, отражают результаты сохранения собственно соматического значения рассматриваемых формул или его трансформации (их представления как субъекта, объекта, сосуда). Жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций осуществляется через представление нормативных/ненормативных состояний органа тела человека: его ненормативных движений или их ограничения, ненормативного расположения, нанесения ему ущерба, незаполненности или заполненности неуместным содержимым.

Ключевые слова: восточнославянский фольклор; лирическая песня; поверхностная семантика; глубинная семантика; соматизмы.

Фольклорный дискурс представляет собой один из видов культурных практик. Его цель – «передача коллективного знания, стабилизирующего жизнь и участвующего в социализации индивидуума в данном национально-культурном коллективе, в данной социальной группе» [Эмер, с. 52]. Реализация указанной цели предполагает наличие у представителей определенного культурного сообщества общей традиции как части коллективной памяти, основанной на единстве знания особых вербальных моделей, предназначенных для фиксации ценностно значимой информации (Е. Б. Артеменко, С. Е. Никитина, А. Т. Хроленко и др.).

Дискурсивный принцип распространения коллективного ценностного знания основан на том, что «многие слова языка фольклора живут “двойной жизнью”: как обозначения составляющих вечно мира и как знаки напряженного поля традиционных смыслов, актуализирующие часть неосознанных архетипических представлений» [Никитина, с. 171]. Наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы глубинной (символической) семантики уже достаточно давно обсуждается фольклористами (Е. Б. Артеменко, Г. И. Мальцевым, С. Е. Никитиной, А. Т. Хроленко и др.). Характеризуя способ включения фольклорного слова в фольклорный контекст, А. Т. Хроленко подчеркивает, что «выбранное слово уже имеет те коммуникации, которые органически подключаются в общие связи фольклорного произведения» [Хроленко, 2008, с. 39].

Итак, наличие у фольклорного слова, фольклорной формулы особой глубинной (символической, кодовой) семантики доказано многими исследованиями. Нас же в данном случае интересуют принципы включения этого слова, обладающего культурной и фольклорной «презумпцией», в фольклорный текст, то есть предъявляемые к нему как обладателю «двойной» (не только глубинной, но поверхностной) семантики самим текстом «требования».

Цель данной статьи – определить роль поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами в реализации глубинной семантики восточнославянской лирической песни.

В качестве эмпирического материала для данного исследования выступили тексты восточнославянских лирических песен с соматизмами, выбранные из фольклорных сборников: 386 русских [Жили да были; Лирические песни; Лирические народные песни; Русские народные песни; Русское народное поэтическое творчество], 220 украинских [Иваницький; Хрестоматія], 187 белорусских [Беларускі фальклор; Белорусские народные песни; Хрэстаматыя] и 106 русинских [Етнографічний збірник; Угро-русские народные песни].

Вопрос о привлечении к анализу материалов русинского фольклора в качестве национально специфического требует особого решения. Выбор русинской составляющей нашего материала, включающей фольклор Угорской Руси и Лемковщины, основан на работах, доказывающих этническую специфичность русинов [Дуличенко; Катунин, 2015a; Катунин, 2015b; Плішкова, Цітрякова; Суляк].

В основе представления семантики текста как совокупности его поверхностного и глубинного смысловых слоев лежит идея о невыводимости целостного смысла текста из простой суммы значений составляющих его единиц. Н. С. Болотнова определяет поверхностную семантическую и смысловую структуры текста как «1) связь значений его элементов (слов, высказываний) и 2) связь их смысловых коррелятов в процессе последовательного развертывания текста от уровня высказывания к блоку высказываний и целому тексту» [Болотнова, с. 364]. При этом «глубинная семантическая структура текста предполагает соотношенность значений его элементов (слов, высказываний) не только “по горизонтали”, но и “по вертикали”, т. е. в сложной и глубокой перспективе целого текста в соответствии с его концептуальной заданностью» [Там же].

Фольклорный текст в силу участия традиции в его формировании отличается особым характером взаимодействия глубинной и поверхностной семантики. Глубинная семантика фольклорного высказывания может быть воспринята «лишь благодаря знанию других текстов» данной традиции [Неклюдов, с. 2], и «большая часть подобного знания здесь будет относиться уже не к конкретным текстам, а к традиции в целом» [Там же].

Объектом нашего анализа являются соматизмы, включенные в фольклорные формулы наряду с предикатом, в актантную структуру которого он входит, а в некоторых случаях – и с его определителями, а также с другими актантами этого предиката (*резвы ноги подломились; не плачьте, мои ясные очи* и под.).

Поверхностная семантика фольклорной формулы предполагает реализацию прямых (*белой рученькой махать; сердце болит*) и переносных (*моему сердцу не раделося; сердце взрадуется*) значений составляющих ее единиц и не зависит от семантики фольклорного произведения в целом. Фольклорные формулы с соматизмами *сердце болит* и *рученьки болят* на уровне поверхностной семантики текстов лирических песен реализуют значение однотипных физиологических

состояний органов человеческого тела, номинированных глаголом «болеть». При этом на уровне глубинной семантики эти соматизмы выступают как символы разных чувств: *сердце* – любовных (*Уж ты, веснушка, весна! / Ты не в радость мне пришла / <...> / Болит сердце по тому / По зеленому саду* [Лирические народные песни, с. 214]), *рученьки* – отторжения подневольной работы в «чужой» семье – как одной из составляющих тоски по родительскому дому (*Нам не надо в чужие люди торопиться, / Жить у бабушки дома хорошо. / В чужих людях поутру рано будят, / На работушку гонят с утра. / Мне чужа работа робить не по силам – / С той работы рученьки болят* [Русское народное поэтическое творчество, с. 337]), что определяется глубинным значением рассматриваемых формул.

Глубинная семантика фольклорной формулы определяется характером культурного осмысления номинируемого объекта, в качестве которого в нашем случае выступают части тела человека.

Соматический код отличает культурная универсальность, определяемая единством анатомии и физиологии всех человеческих существ [Гудков, Ковшова, с. 78-79]. Органичность стабилизации культурных смыслов соматизмов определяется тем, что «с помощью тела, используемого как инструмент познания мира, человек ориентируется в пространстве и времени, выражая свое отношение к событиям и процессам, происходящим в мире, и давая им разные квалификации и оценки» [Евсеева, Крейдлин, с. 5].

Формирование соматического кода культуры основывается на бытовом восприятии значимых для человека особенностей частей человеческого тела и видов их деятельности. Среди них – (1) бытовые представления об их физиологических функциях: в голове размещается мозг, рукой человек захватывает предметы, ноги – опора человека при перемещении и под.; (2) обыденные знания об особенностях их внешней конфигурации и расположения на теле: руки имеют продольно-вытянутую форму, голова – округлую; голова, живот наполнены определенным содержимым, голова – верхний, а ноги – нижний элементы человеческого тела и под.; (3) опыт использования частей тела в социальных функциях: рука – наиболее значимый орган, участвующий в физической работе, кроме того, это орган коммуникативной активности, задействованный в жестах приветствия и прощания и под. (см.: [Ван; Ойноткинова; Тубалова, Ван] и др.).

Кодовые смыслы культуры, в частности, культурно-кодовые смыслы соматизмов (некоторые из них описаны нами [Ван; Тубалова, Ван]), в фольклорном дискурсе интерпретируются в соответствии с жанровыми задачами.

Лирическая песня как жанр народной лирики направлена на трансляцию эмоций и чувств исполнителя [Соколов, с. 414; Лазутин, с. 63]. Символическая система восточнославянских лирических песен подчиняется жанровой цели, на основании которой формируется их жанровое содержание, включающее «два основных цикла челове-

ских эмоций – радость и горе с их многочисленными тематическими подразделениями» [Колпакова, с. 207].

Сосредоточимся на исследовании поверхностной семантики фольклорных формул с соматизмами *руки, ноги, глаза, сердце*, которые, согласно результатам анализа состава и частотности использования соматизмов в русской лирической песне [Ван], употребляются в данном жанре наиболее регулярно, при этом – в силу выраженного различия их конфигурации и соматических функций – фиксируют разнообразные культурные смыслы. Выявим перечень поверхностных значений выбранных соматизмов, реализуемых в текстах восточнославянских лирических песен, установим их соотношения с глубинной семантикой фольклорного текста, отражающей эмоции горя и эмоции радости. Определим функции каждого вида поверхностного значения при реализации глубинной семантики фольклорного текста.

При использовании соматизмов в фольклорном тексте их прямое значение (*руки, ноги, глаза, сердце* – «части тела человека») на уровне поверхностной семантики фольклорного текста (А) сохраняется (*рученьки болят*) или (Б) трансформируется, представляя части тела человека как субъект действия (*ноженьки пляшут*), объект оперирования (*сердце вынул*), сосуд, полость (*глазки выплаканы*) и т. д.

Рассмотрим, каким образом каждое поверхностное значение участвует в реализации глубинной семантики лирической песни.

1. Наиболее частотно в лирической песне соматизмы реализуются в собственно-соматическом поверхностном значении. Высокий уровень частотности собственно соматических значений объясняется сюжетной обоснованностью поверхностного смысла текста данного жанра, предполагающего наличие героев и описание их действий.

Описания действий, совершаемых при помощи органов тела, а также их состояний способствуют реализации глубинной семантики текста лирической песни – трансляции эмоций и чувств – в соответствии с отмечаемым исследователями принципом формирования народной эстетики «выражать внутреннее через внешнее, через жест» [Мальцев, с. 29] (см. об этом также: [Веселовский, с. 362–363]).

В лирических песнях восточных славян сохранение первичных языковых значений соматизмов сопровождается описанием особых действий/состояний номинируемых частей тела. Эти описания приобретают психологическую значимость: в тексте лирической песни транслируются жанрово обусловленные глубинные смыслы, фиксирующие эмоции и чувства.

Различные варианты использования такого типа значений соматизмов способствуют реализации глубинной семантики фольклорного текста следующим образом:

– Представление любых частей тела героев (кроме волос – по собственно физиологическим причинам) как пребывающих в негативном физиологическом состоянии способствует трансляции эмоции

горя: *Балиць маё сэрца, балиць і душа. Дзе мілы паехаў, Куды паляцеў?* [Белорусские народные песни, с. 230].

- Описание *рук, ног, глаз* и др. как ограниченных в возможности осуществлять свои физиологические функции, в том числе в движениях (в основном *руки, ноги* – как наиболее двигательны активные), также способствует представлению негативных состояний героя: *Сижу я, млад ясён сокол, / Я во той ли золотой во клеточке. / <...> / У сокола ножки сопутаны, / На ноженьках путечки шелковыя, / Занавесочки на глазыньках жемчужные!* [Русское народное поэтическое творчество, с. 14]; *Йак упустьаат грішине тыло у глибокі доли, / Засыпаіут піском очи, не глянупт ньіколе. / У гробі будуць ребра, боковы, з головою рукы, / Душа піде безсмертельна на вічнійі мукы* [Угро-русские народные песни, с. 113]. В связи с тем, что физиологическая деятельность сердца в бытовой интерпретации не оформлена, номинирующий этот орган соматизм формулы рассматриваемого типа не образует.

- Трансляции глубинной семантики подобного типа способствует описание органов тела как поврежденных. В основном в этой функции используются соматизмы *руки* и *ноги* – как номинации органов наиболее «выступающих» и поэтому подверженных повреждению: *В тоске своей возговорит девица: / «Я в те поры мила друга забуду, / Когда подломятся мои скорые ноги, / Когда опустятся мои белые руки...»* [Русское народное поэтическое творчество, с. 44]; *Пыбужаюць Машыньку / До бьленькой до зары, / Пысналяюць Машыньку / У ключь рано за водой. / Одморозила ноженьки, / Ключь за водой идя, / Зазнобила рученьки, / Съ ключа черная воду* [Белорусские народные песни, с. 238]. Близкую функцию выполняет поверхностная семантика текста при описании *глаз* как *заплаканных* (*Горяча любовь, слезами облита. / Как у Машеньки заплаканы глаза, / У красавицы затерто белое лицо* [Лирические народные песни, с. 230]): такое их физиологическое состояние, с одной стороны, маркирует реальную реакцию обладателя глаз на негатив, а с другой – характеризуется общекультурной связью с эмоцией горя.

При описаниях соматических действий такого типа проявляется еще одно свойство поверхностной семантики исследуемого текста, участвующее в реализации его глубинной семантики. Перечисление множества соматических движений способствует нагнетанию эмоции горя, отражая отмеченную О. Р. Николаевым специфику реализации эмоций в лирической песне как «потока переживаний» [Николаев, с. 129].

- В качестве отдельной группы можно выделить семантику описания социально значимых жестов с участием рук, сформированную за пределами фольклорного дискурса. Их описание в лирической песне специализировано для трансляции эмоций, сопровождающих значимое взаимодействие любовной пары – встречу или расставание. Данный тип поверхностного значения также основан на физиологических функциях рук, но промежуточным этапом его фольклорной

интерпретации является их социокультурное осмысление, закрепленное в семантике жестов в качестве проявления коммуникативной функции. Описания действий в этом случае реализуются в виде лирических формул *подавать руку, махать рукой* и т. п.: *Закукала зозуленька / Та й сказала куку. / Подай, подай, моя мила, / На коника руку. / Ой, хйба быць одурьтла, / Разуму не мала, / А быць свою бгьлу ручку / На коня подала* [Етнографічний збірник, с. 16]; *Далёка, далёка мілы ад мяне, / У чужой старонцы, не прыйдзе ка мне, эх. / Стаіць над ракой, махае рукой...* [Белорусские народные песни, с. 205].

– Также с семантикой жеста, но значительно менее стабильного для восточнославянских культур, связано значение формул опускания частей тела (чаще всего *руки опустились*, реже – *головушка склонилась* и под.). Стабильность поверхностного смысла проявляется в отражении подобной семантики в восточнославянской фразеологии (рус. *руки опустились, понурить голову* и др.; укр. *опускати руки, понурювати голову* и др.; белорус. *рукі злажыць* и др.), но, в отличие от вышеописанных жестов, связанных с руками (*подать руку* и под.), жест опускания частей тела за пределами фольклорного дискурса получает семантическое оформление не последовательно (например, опускание головы – стабильный жест «виновности», а опускание рук – семантически нейтральный). В восточнославянской лирической песне формулы такого типа последовательно обнаруживают символику негатива. Среди таких действий – опускание героем/героиней рук/ног/головы: *Старый в гусли заиграет, заиграет. / Мое сердце ноет, ноет, занывает. / Скоры ноги подломились, подломились, / Руки белы опустились, опустились...* [Русское народное поэтическое творчество, с. 229].

Другие варианты реализации поверхностной семантики формул с соматизмами в восточнославянской лирической песне отражают результат интерпретации соматизмов уже на уровне их поверхностного значения.

2. Наиболее высокой частотностью среди них обладают формулы с соматизмами, где часть тела человека интерпретируется как субъект (действующий самостоятельно, испытывающий воздействие или пребывающий в свойственном человеку состоянии). При их реализации сохраняется принцип «выражать аффекты действием» [Веселовский, с. 362], но эти действия интерпретируются как совершаемые органом человеческого тела как будто без участия их обладателя.

В исследуемых песнях поверхностные значения формул такого типа основываются на бытовом восприятии физиологических функций частей тела человека. Их участие в трансляции глубинного смысла реализуется в следующих вариантах:

– Максимально близкими по характеру трансляции глубинной семантики к описанным собственно соматическим являются формулы, где соматизм номинирует часть тела, действие которой описывается как физиологически нормальное для нее, но действует соответствующе-

ший орган как будто «самостоятельно» («руками машут» -> *руки машут*, «ногами ходят» -> *ноги ходят* и под.). В основном такой вариант поверхностного значения реализуют формулы с соматизмами *руки* и *ноги* как номинирующими наиболее физиологически «отделенные» и поэтому воспринимаемые как наиболее активные органы: *Дай ти Боже здоровьечка / И тобъ, и ментъ, / Та й и твоимъ бѣлымъ нужкамъ, / Што ходятъ идъ ментъ* [Угро-русские народные песни, с. 113].

- Подобная поверхностная семантика соматизмов *глаза* и *сердце* – результат еще более активного переосмысления их первичной семантики. Действия глаз интерпретируются как несоматические социально значимые действия человека, что основано на физиологической функции органа зрения: *Подбодрился мой хороший-дорогой, / Словно гоголь над кормой. / Кудри шелковы по плечиками бегут, / Ясны оченьки расшиву стерегут* [Лирические народные песни, с. 246]. Усилению требуемой жанром эмоциональной напряженности способствует представление органов тела человека так, как будто лирический герой перекладывает на них ответственность за свое состояние: *Очи мои черненькии, / Бѣда ментъ съ вами, / Хоть не дивлюся на хлопцевъ, / Мургають сами* [Етнографічний збірник, с. 32]. Если соматизмы *руки* и *ноги* номинируют части тела более активные, но менее «социально самостоятельные», то соматизмы *глаза* и *сердце* как связанные с прямым маркированием духовных ценностей уже на уровне общекультурного соматического кода в поверхностной семантике исследуемых формул маркируют субъект в его социокультурной функции. При этом *сердце* в поверхностной семантике приближается к номинанту личности еще ближе, чем *глаза*, и предстает не только как исполнитель социальных действий, но и как носитель эмоций: *Ні шуміце зялёные лугі, / Ні задавайце майму сэрцу тугі. / Бо маё сэрца і так тугу мае / Што мой брацятка вялік банкет мае* [Беларускі фальклор, с. 314].

- Кроме того, в поверхностной семантике текста восточнославянской лирической песни соматизмы реализуются в формулах, представляющих их как «несоматический объект» (в частности, «сосуд, полость»). Отметим, что в рассматриваемом значении не используются соматизмы *руки* и *ноги*, вероятно, в связи с бытовым представлением номинируемых ими органов как протяженных и активно двигающихся. *Глаза* и *сердце*, номинирующие органы, в бытовом восприятии небольшие по объему, компактные и округлые по форме, реализуют поверхностную семантику такого типа достаточно последовательно.

3. Соматизмы *глаза* и *сердце* регулярно реализуют поверхностную семантику объекта как «площадки для размещения чего-либо», на уровне глубинной семантики предстающей как место размещения эмоций и чувств героя. «Размещаемые» эмоции прямо называются в песнях – *печаль* (*Ты зачем меня, сударушка, / Повысушила? / <...> / Ты рассеяла печаль / По моим ясным очам...* [Русское на-

родное поэтическое творчество, с. 131]), *тоска (Ой туга ми на серденьку, ой туга ми, туга, / Не виділа-м миленького вже неділя друга [Іваницький, с. 376])* и др.

– Глаза и сердце описываются как объекты, над которыми совершаются неестественные для них операции, например, их разрушение, что передает эмоцию горя: *Не пой, соловейко, так рано, / Не пой, соловейко, на заре, / Не разрушай мое сердечко, / Ведь я на чужой стороне!* [Жили да были, с. 66].

– И глаза, и сердце при реализации номинирующих их соматизмов могут быть осмыслены как «сосуд», «полость». При этом поверхностная семантика соматизмов *глаза* и *сердце* различается, что определяется особенностями обыденных представлений о том, что сердце – внутренний орган, а глаза – внешний. Уже за пределами фольклорного дискурса сердце – «хранилище эмоций», глаза – «транслятор эмоций».

Культурная интерпретация сердца как «сосуда для хранения эмоций» способствует трансляции эмоций горя в основном через представление его либо как «закрытого» для позитивного эмоционального обмена (*Мамко моя, мамко, / Сердце ми ся замкло, / Не е того ключа, / А бы оно ся взомкло, / А ни лакатоша [слесарь], / А бы мь ключа нашла* [Етнографічний збірник, с. 34]), либо как наполненного негативным содержанием – эмоциями, чувствами или этическими качествами (*Ах, пал туман на сине море, / Вселилася кручина в ретиво сердце. / Не схаживать туману со синя моря, / Злодейке кручине с ретива сердца* [Русское народное поэтическое творчество, с. 267]). Для трансляции эмоций радости это содержимое, наоборот, оказывается позитивным (*Була весна, ми стрітились случайно, / Ти, молод був, а я була дитя, / В серцях у нас відкрилась любов тайно, / І оба ми любились не тая* [Хрестоматія, с. 273]).

Соматизм *глаза* реализует близкую семантику в формулах, основанных на социокультурно заданной связи физиологических функций плача и слез с негативными эмоциями (*Засвистали козаченьки / В похід з полуночі, / Виплакала Марусенька / Своїясні очі* [Іваницький, с. 168]), а также в формулах, где данный соматизм реализует поверхностную семантику «полость, в которую можно поместить эмоционально значимую информацию» (*Била мене мати, била, / Семъ раз по битому, / За что я ся подивляла / В очи женатому* [Етнографічний збірник, с. 42]). В последнем случае активизируется восточнославянская культурная семантическая интерпретация глаз как органа взаимодействия внутреннего мира человека с внешним миром.

* * *

Поверхностная семантика фольклорной формулы в тексте народной художественной культуры обладает функциональной значимостью, реализуя определенные заданные на уровне общекультурного кода, фольклорной традиции и жанровых установок глубинные

смыслы. Она предстает как результат сохранения собственно соматического значения фольклорной формулы (как исходного для нее) или его трансформации. Ее выбор в восточнославянской лирической песне является жанрово обусловленным.

При использовании собственно соматического поверхностного значения соматизмов в восточнославянской лирике жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций реализуется через представление органов человеческого тела как больных или нецелостных. Кроме того, в этом случае в лирической песне используются результаты культурной интерпретации социально значимых жестов.

Трансформация исходного значения соматизмов предполагает реализацию их субъектной и объектной поверхностной семантики. Жанрово обусловленная трансляция негативных и позитивных эмоций осуществляется через представление нормативных/ненормативных состояний субъекта (его ненормативных движений или их ограничения) и несоматического объекта (его ненормативного расположения, нанесение ему ущерба, незаполненности или заполненности неуместным содержанием).

Список литературы

Артеменко Е. Б. Концептосфера и язык фольклора : характер и формы взаимодействия // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : Материалы науч. регион. конф. 2004 г. : сб. ст. Воронеж : ВГУ, 2006. С. 138–150.

Артеменко Е. Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1988. 174 с.

Беларускі фальклор : Матэрыялы і даследаванні : Зборнік навуковых прац. Вып. 3 / гал. рэд. Т. В. Валодзіна. Мінск : Беларуская навука, 2016. 519 с.

Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями / сб. П. В. Шейна. СПб : Тип. Майкова, 1874. 563 с.

Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М. : Флинта : Наука, 2009. 520 с.

Ван Х. Кодовая функция соматизмов в русской лирической песне // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2019. № 4 (201). С. 138–147. DOI 10.23951/1609–624X-2019–4–138–149.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М. : Высш. шк., 1989. 405 с.

Гудков Д. Б., Ковшиова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. М. : Гнозис, 2007. 288 с.

Дуличенко А. Д. Славянская микролингвистика и славянская микрофилология // Русин. 2017. № 48. С. 41–50. DOI 10.17223/18572685/48/4.

Евсеева И. В., Крейдлин Г. Е. Фреймовое моделирование фрагментов лексико-словообразовательных гнезд с семантикой «заболевание» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Филология. 2017. № 49. С. 5–23. DOI 10.17223/19986645/49/1.

Етнографічний збірник : в 38 т. Т. 2 / під ред. М. Грушевського. Львов : Наукове товариство імені Шевченка, 1896. 51 с.

Жили да были : Фольклор и обряды томских сибиряков / сост. П. Е. Бардина. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1997. 222 с.

Іваницький А. І. Хрестоматія з українського музичного фольклору. Вінниця : Нова книга, 2008. 520 с.

Катунин Д. А. Русинский язык и языки других национальных меньшинств в законодательстве Воеводины. Статья 1 // Русин. 2015b. № 42. С. 235–250. DOI

10.17223/18572685/42/16.

Катунин Д. А. Языковые права русинов, украинцев и других национальных меньшинств в законодательстве Республики Сербия // Русин. 2015а. № 39. С. 229–236. DOI 10.17223/18572685/39/15.

Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 283 с.

Кравцов Н. И., Кулагина А. В. Славянский фольклор. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 264 с.

Лазутин С. Г. Поэтика русского фольклора. М. : Высш. шк., 1981. 221 с.

Лирические народные песни / сост. Е. Лопырева. Л. : Сов. писатель, 1955. 438 с.

Лирические песни / сост. П. С. Выходцева. М. : Современник, 1990. 653 с.

Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики : Исследования по эстетике устно-поэтического канона. Л. : Наука, 1989. 169 с.

Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира // Признаковое пространство культуры / отв. ред. С. М. Толстая. М. : Индрик, 2002. С. 21–31.

Никитина С. Е. Сердце и душа фольклорного человека // Логический анализ языка: образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 1999. С. 16–28.

Николаев О. Р. Почему мы не поем «русские народные» песни до конца (о некоторых механизмах трансляции русской песенной традиции) // Рус. текст. 1997. № 5. С. 125–140.

Ойроткинова Н. Р. Соматический код культуры в пословицах и поговорках алтайцев // Сиб. филол. журн. 2011. № 3. С. 5–14.

Плійшкова А, Цітрякова З. Русинський літературний мовний код у концепціях учених і стратегіях мовних конгресів // Русин. 2017. № 48. С. 99–125. DOI 10.17223/18572685/48/8.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994. 239 с.

Русские народные песни / сост. В. В. Варганова. М. : Правда, 1988. 576 с.

Русское народное поэтическое творчество : хрестоматия / сост. М. А. Вавилова, В. А. Василенко, В. И. Игнатов и др. М. : Высш. шк., 1987. 511 с.

Соколов Ю. Лирические песни // Литературная энциклопедия : словарь лит. терминов : в 2 т. М. ; Л. : Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm#> (дата обращения: 12.11.2018).

Суляк С. Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272–316. DOI 10.17223/18572685/55/16.

Тубалова И. В., Ван Х. Соматический код в восточнославянских пословицах и частушках // Русин. 2018. № 52. С. 141–160. DOI 10.17223/18572685/52/11.

Угро-русские народные песни / собр. Г. А. де Воллан. СПб : Тип. М-ва внутр. дел, 1885. 265 с.

Хрестоматія з українського народнопісенного виконавства (з методичними поясненнями і коментарями) / сост. І. Я. Павленко. Київ : Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2013. 286 с.

Хроленко А. Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор : Вопросы теории фольклора. Л. : Наука, 1979. Т. 19. С. 147–156.

Хроленко А. Т. Лингвофольклористика : Листая годы и страницы. Курск : Курск. гос. ун-т, 2008. 229 с.

Хрэстаматыя па беларускай народнай музычнай творчасці / аўтар-укладальнік Л. В. Зыкава. Мінск : Інстытут культуры Беларусі, 2012. 209 с.

Эмер Ю. А. Современный песенный фольклор: когниции и дискурсы. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2011. 266 с.

References

- Artemenko, E. B. (1988). *Printsipy narodno-pesenogo tekstoobrazovaniya* [Principles of the Formation of Folk Song]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta. 174 p.
- Artemenko, E. B. (2006). Kontseptosfera i yazyk fol'klora : kharakter i formy vzaimodeistviya [The Conceptual Sphere and the Language of Folklore: The Nature and Forms of Interaction]. In *Narodnaya kul'tura segodnya i problemy ee izucheniya. Materialy nauchnoi regional'noi konferentsii 2004 goda. Sbornik statei*. Voronezh, Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, pp. 138–150.
- Bardina, P. E. (Ed.). (1997). *Zhili da byli: Fol'klor i obryady tomских sibir'yakov* [There Once Lived: Folklore and Rites of Tomsk Siberians]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 222 p.
- Bolotnova, N. S. (2009). *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of Text]. Moscow, Flinta, Nauka. 520 p.
- Dulichenko, A. D. (2017). Slavyanskaya mikrolingvistika i slavyanskaya mikrofilologiya [Slavic Microlinguistics and Slavic Microphilology]. In *Rusin*. No. 48, pp. 41–50. DOI 10.17223/18572685/48/4.
- Emer, Yu. A. (2011). *Sovremennyy pesenny fol'klor: kognitsii i diskursy* [Modern Song Folklore: Cognitions and Discourses]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 266 p.
- Evsheeva, I. V., Kreidlin, G. E. (2017). Freimovoe modelirovanie fragmentov leksiko-slovoobrazovatel'nykh gnezd s semantikoi "zabolevanie" [Frame Modeling of Fragments of Lexical-Derivational Nests with the Semantics of 'Disease']. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*. No. 49, pp. 5–23. DOI 10.17223/19986645/49/1.
- Grushevs'kii, M. (Ed.). (1896). *Etnografichnii zbirnik v 38 t.* [Ethnographic Collection. 38 Vols.]. Vol. 2. L'vov, Naukove tovaristvo imeni Shevchenka. 51 p.
- Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). *Telesnyi kod russkoi kul'tury: materialy k slovaryu* [The Bodily Code of Russian Culture: Materials for a Dictionary]. Moscow, Gnozis. 288 p.
- Ivanits'kii, A. I. (2008). *Khrestomatiya z ukrains'kogo muzichnogo fol'kloru* [Reader of Ukrainian Folk Music]. Vinnitsa, Nova kniga. 520 p.
- Katunin, D. A. (2015a). Yazykovye prava rusinov, ukrainsev i drugikh natsional'nykh men'shinstv v zakonodatel'stve Respubliki Serbiya [The Rusyn and Ukrainian Languages in the Current Laws of Serbia]. In *Rusin*. No. 39, pp. 229–236. DOI 10.17223/18572685/39/15.
- Katunin, D. A. (2015b). Rusinskii yazyk i yazyki drugikh natsional'nykh men'shinstv v zakonodatel'stve Voevodiny. Staf'ya 1 [The Rusyn Language and the Languages of Other National Minorities in the Legislation of the Vojvodina. Article 1]. In *Rusin*. No. 42, pp. 235–250. DOI 10.17223/18572685/42/16.
- Khrolenko, A. T. (1979). Semanticheskaya struktura fol'klornogo slova [The Semantic Structure of the Folklore Word]. In *Russkii fol'klor. Voprosy teorii fol'klora*. Leningrad, Nauka. Vol. 19, pp. 147–156.
- Khrolenko, A. T. (2008). *Lingvofol'kloristika. Listaya gody i stranitsy* [Linguistic Folklore Studies. Leafing Through the Years and Pages]. Kursk, Kurskii gosudarstvennyi universitet. 229 p.
- Kolpakova, N. P. (1962). *Russkaya narodnaya bytovaya pesnya* [Everyday Russian Folk Song]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 238 p.
- Lazutin, S. G. (1981). *Poetika russkogo fol'klora* [Poetics of Russian Folklore]. Moscow, Vysshaya shkola. 221 p.
- Lopyreva, L. (Ed.). (1955). *Liricheskie narodnye pesni* [Lyrical Folk Songs]. Leningrad, Sovetskii pisatel'. 438 p.
- Mal'tsev, G. I. (1989). *Traditsionnye formuly russkoi narodnoi neobryadovoi liriki. Issledovaniya po estetike usno-poeticheskogo kanona* [Traditional Formulae of Russian

Non-Rite Folk Lyrical Poetry. Studies on the Aesthetics of the Oral Poetic Canon]. Leningrad, Nauka. 169 p.

Neklyudov, S. Yu. (2002). Veshchestvennye ob"ekty i ikh svoystva v fol'klornoi kartine mira [Material Objects and Their Properties in the Folklore Picture of the World]. In Tolstaya, S. M. (Ed.). *Priznakovoe prostranstvo kul'tury*. Moscow, Indrik, pp. 21–31.

Nikitina, S. E. (1999). Serdtse i dusha fol'klornogo cheloveka [The Heart and Soul of a Folklore Person]. In Arutyunova, N. D. (Ed.). *Logicheskii analiz yazyka: obraz cheloveka v kul'ture i yazyke*. Moscow, Indrik, pp. 16–28.

Nikolaev, O. R. (1997). Pochemu my ne poem "russkie narodnye" pesni do kontsa (o nekotorykh mekhanizмах translyatsii russkoi pesennoi traditsii) [Why We Do Not Sing "Russian Folk" Songs to the End (Some Mechanisms of Transmission in the Russian Song Tradition)]. In *Russkii tekst*. No. 5, pp. 125–140.

Oinotkinova, N. R. (2011). Somaticheskii kod kul'tury v poslovitsakh i pogovorkakh altaitsev [Somatic Code of Culture in the Proverbs and Sayings of Altaians]. In *Sibirskii filologicheskii zhurnal*. No. 3. pp. 5–14.

Pavlenko, I. Ya. (2013). *Khrestomatiya z ukrains'kogo narodnopisennogo vikonavstva (z metodichnimi poyasnenniyami i komentaryami)* [Readings on the Ukrainian Folk Song Performance (with Methodical Explanations and Comments)]. Kiev, Vidavnicho-poligrafichnii tsentr "Kiivs'kii universitet". 286 p.

Plishkova, A., Tsitryakova, Z. (2017). Rusin'skyi literaturnyi yazyk u kontseptsyakh uchenykh i strateriyakh yazykovykh konresiv [The Rusyn Literary Language in Concepts and Strategies of Language Congresses]. In *Rusin*. No. 48, pp. 99–125. DOI 10.17223/18572685/48/8.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaya kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg, Nauka. 239 p.

Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo : Khrestomatiya [Russian Folk Poetry: A Reader]. Compiled by M. A. Vavilova, V. A. Vasilenko, V. I. Ignatov and others. Moscow, Graduate School. 511 p.

Shein, P. V. (Ed.). (1874). *Belorusskie narodnye pesni s otnosyashchimisya k nim obryadami, obychayami i sueveriyami* [Belarusian Folk Songs with Related Rites, Customs, and Superstitions]. St Petersburg, Tipografiya Maikova. 563 p.

Sokolov, Yu. (1925). Liricheskie pesni [Lyrical Songs]. In *Literaturnaya entsiklopediya. Slovar' literaturnykh terminov v 2 t.* [Literary Encyclopaedia: Dictionary of Literary Terms. 2 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo L. D. Frenkel'. Vol. 1. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt1/lt1-4141.htm#> (mode of access: 12.11.2018).

Sulyak, S. G. (2019). K voprosu o terminologii Karpatskoi Rusi [On Carpathian Rus' Terminology]. In *Rusin*. No. 55, pp. 272–316. DOI 10.17223/18572685/55/16.

Tubalova, I. V., Wang, Gh. (2018). Somaticheskii kod v vostochnoslavyanskikh poslovitsakh i chastushkakh [Somatic Code in East Slavic Proverbs and Ditties]. In *Rusin*. No. 52, pp. 141–160. DOI 10.17223/18572685/52/11.

Valodzina, T. V. (Ed.). (2016). *Belaruski fal'klor. Materiyaly i dasledavanni. Zbornik navukovykh prats* [Belarusian Folklore: Materials and Research. A Collection of Scholarly Papers]. Minsk, Belorusskaya navuka. Iss. 3. 519 p.

Varganova, V. V. (Ed.). (1988). *Russkie narodnye pesni* [Russian Folk Songs]. Moscow, Pravda. 576 p.

Vavilova, M. A., Vasilenko, V. A., Ignatov, V. I. et al (Eds.). (1987). *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo. Khrestomatiya* [Russian Folk Poetry. Anthology]. Moscow, Vysshaya shkola. 511 p.

Veselovskii, A. N. (1989). *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola. 405 p.

Vollan, G. A. de (Ed.). (1885). *Ugro-russkie narodnye pesni* [Ugro-Russian Folk Songs]. St Petersburg, Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del. 265 p.

Vykhodtseva, P. S. (Ed.). (1990). *Liricheskie pesni* [Lyrical Songs]. Moscow, Sovremennik. 653 p.

Wang, Gh. (2019). Kodovaya funktsiya somatizmov v russkoi liricheskoi pesne [Code Function of Somatisms in the Russian Lyrical Song]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 4 (201), pp. 138–147. DOI 10.23951/1609–624X-2019–4–138–149.

Zykova, L. V. (Ed.). (2012). *Khrestamatyya pa belaruskai narodnai muzychnai tvorchastsi* [A Collection of Belarusian Folk Music]. Minsk, Instytut kul'tury Belarusi. 209 p.

The article was submitted on 10.05.2019